

НАЦИОНАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Александр Челядинский

В современных международных отношениях присутствует ряд явлений, которые дают повод аналитикам говорить о возникновении новых разделительных линий. Прежде всего, речь идет о старой (новой) «чуме XX века» — национализме. Выдвижение его на первый план стало неожиданным для большинства современных политиков и дипломатов. Мировой экономический кризис показал, что проблема национального самоопределения — одна из наиболее актуальных в науке о международных отношениях, поскольку напрямую затрагивает безопасность субъектов, прежде всего государств. Под влиянием ухудшающейся ситуации люди в большинстве стран пытаются найти способы защиты своих интересов. События в Москве на Манежной площади и в районе Киевского вокзала в декабре 2010 г., где были выдвинуты лозунги «Россия для русских» (как годом раньше в Кондопоге), отнюдь не случайность. Это крайне опасный симптом, о влиянии которого будет сказано ниже. Для Беларуси, которая вместе с Россией и Казахстаном намеревается создавать единое экономическое пространство, небезразличны данные события, затрагивающие интересы 160 народов, национальностей и этносов огромного евразийского пространства (они будут оказывать все большее давление на Беларусь, которая в перспективе может лишиться своей национальной идентичности).

Автор статьи попытался дать ответ на следующий вопрос: «Насколько оба понятия — "национализм" и "международные отношения" — теоретически и практически связаны между собой?» При этом автор отдает себе отчет в том, что его суждения и выводы могут быть предметом дискуссии и даже вызвать резкую критику: как можно говорить о национализме в условиях глобализации, интеграции, открытых границ, господства Интернета и английского языка?

Начнем с того, что в русском языке понятие «международные отношения» существенно расходится с вроде бы родственным ему понятием *«International Relations»* в английском языке. Автор берет именно эту «связку», поскольку, например, в белорусском языке некоторые авторы используют очень спорные понятия — «адносіны», «стасункі» и даже «дачыненні».

В русском понимании «международные отношения» в изначальном и прямом смысле «отношения между народами». Но не выражая-

ет ли это некой виртуальности понятия, потому что неизбежно возникают вопросы теоретического и методологического значения: где, как, ради чего и почему могли вступать в отношения друг с другом целые народы, что это были за народы? В английском же языке понятие *«International Relations»* значительно более определенно. *«Relations»* тождественно «отношениям». Приставка *«inter»* имеет два значения: *«among»* (в определенной группе, социальной среде) и *«between»* (между кем-то, кто разделен пространством, чем-то еще, но одновременно и соединен, сцеплен друг с другом этим пространством). В современных условиях глобализации это очень сильно прослеживается. Находящиеся раньше на расстоянии тысяч километров народы, благодаря сжатию пространства и времени, стали соседями.

Понятие же *«nation»* является целой концепцией и до сих пор вызывает бурную полемику. Часть исследователей подчеркивает, что в своем качестве это понятие не означает «народ» или «нация». Например, российские аналитики В. Калашников и Н. Ярошук отмечают: «Нация — тип этноса, исторически возникшая социально-экономическая и духовная общность людей. Нация характеризуется общностью территории, языка, экономических связей, психического склада, культуры и самосознания» [21, с. 91]. В то же время участники международной конференции «Варианты и перспективы урегулирования конфликта в Косово и международная безопасность», которая состоялась в октябре 2007 г. в Центре политических исследований Института экономики РАН (руководитель — Б. А. Шмелев), в своем большинстве не согласились с такой трактовкой нации. Взамен они предлагают рассматривать нацию как «все население определенной территории, независимо (выделено нами. — А. Ч.) от национальности», подчеркивая тем самым, что только подобная гражданская общность имеет право на самоопределение [14, с. 117]. Особую позицию высказывает американская социолог Л. Гринфельд в своем большом исследовании «Национализм. Пять путей к современности», подчеркивая, что понятие «нация» имеет историческую природу и возникло в Англии в начале XVI в., когда это слово в его «соборном» значении «элита» было применено в отношении населения страны и ста-

Автор:

Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Розанов Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Космач Геннадий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

ло синонимом слова «народ». Эта семантическая трансформация означала возникновение первой в мире нации, нации в современном смысле этого слова — и возвестила начало эры национализма [5, с. 11].

При этом автор статьи сознательно опускает дискуссию о сущности понятия «национализм», в отношении которого сегодня нет единой точки зрения. Лучше обратить внимание на поиск ответа на вопрос: какое влияние оказывали и будут оказывать идеи национализма, этносепаратизма, конфессионализма на характер и содержание безопасности страны и международных отношений в целом. В новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивается: «Нарастает потенциал конфликтности, связанный с увеличением разрыва между богатыми и бедными странами, политическим и религиозным экстремизмом, агрессивным национализмом, сепаратизмом и сохранением территориальных претензий, усилением религиозной нетерпимости и ксенофобией» [15, с. 3].

При исследовании самих международных отношений и внешней политики государства больше делается упор на их виды: политические, экономические, правовые, военные и т. д. Но в современных условиях этого явно недостаточно, поскольку исчезает суть международных отношений — межнациональность. Глобализация как объективный процесс обострила проблему не отношений между государствами, а отношений людей, принадлежащих к разным нациям и этносам. Большинство локальных вооруженных конфликтов в 90-е гг. XX — начала XXI в. приобрели форму межнациональных войн с использованием этнических чисток при одновременной пропаганде национальной и конфессиональной исключительности. На этом основании уже сегодня многие исследователи выдвигают версию о конце глобализации.

Феномен национализма имеет историческую природу и постоянно присутствовал в международных отношениях, но их сводили в основном к межгосударственным. На наш взгляд, западная наука о международных отношениях не уделяла внимания прямой связи истории межнациональных конфликтов с современностью. Иначе чем объяснить проблемы решения Западом вопросов Афганистана, Ирака, Сомали, Судана и других стран? А ведь в этом кроется игнорирование истории вопроса! Из поколения в поколение людей переходят гены неприязни, зародившейся много сотен лет назад, а государства при помощи изощренной формы воздействия на сознание поддерживают это состояние. Российский исследователь А. Давидсон приводит характерный пример: «великий князь Александр Михайлович, женатый на любимой сестре Николая II, вспоминал, чему их учили в детстве. Французы порицались за многочисленные вероломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вред, причиненный

России Карлом XII в царствование Петра Великого. Полякам нельзя было простить их смешного тщеславия. Англичане были всегда "коварным Альбионом". Немцы были виноваты уже тем, что имели Бисмарка. Австрийцы несли ответственность за политику Франца Иосифа — монарха, не сдержавшего ни одного из своих многочисленных обещаний, данных им России. Мои "враги" были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своем сердце огонь "священной ненависти" против всех и вся» [6].

Рассмотрим в качестве примера национальные отношения между странами. В 90-е гг. XX в. в России появился новый государственный праздник — День национального единения, отмечаемый 4 ноября и означающий изгнание поляков из Москвы в начале XVII в. Польша же, потеряв независимость в конце XVIII в. (значительной степени по вине России), боролась за свободу все время. Польский вопрос был одним из центральных в международных отношениях в XIX — начале XX вв. Советско-польская война 1919—1920 гг. окончилась поражением Советской России, унизительным для нее и Беларуси Рижским договором, пленением и последующей гибелью от голода и холода более 70 тыс. красноармейцев [34, с. 17]. Советско-германские договоры 1939 г. о разделе Польши, Катыньский расстрел польской военной и гражданской интеллигенции в 1940 г., отказ поддержать Варшавское восстание летом 1944 г., разгром Армии Крайовой, арест и уничтожение видных деятелей польского коммунистического и рабочего движения, постоянное давление на ПНР в 1956, 1970 и 1980 гг. не могли не привести к восприятию восточных соседей как жителей имперского государства. Не отсюда ли возникло прямое движение Польши под крыло НАТО? И только визиты В. Путина и Д. Медведева (особенно последний, связанный с гибелью Л. Качинского), передача польской стороне десятков томов «Катынского дела» резко смягчили ситуацию. Россия признала вину за расстрел в Катыни. Но признает ли Польша свою вину за замученных красноармейцев?

Другой пример. Национальное унижение немцев, заложенное в статье 231 Версальского договора и подчеркивающее только их вину за развязывание Первой мировой войны, породило национализм. А. Гитлер в своей работе «Моя борьба» писал, что германское правительство должно было бы сделать «из этого неслыханного, позорного, бесконечно вымогательского договора орудие борьбы против врага и довести национальные страсти до "точки кипения", использовать садистскую жестокость этого договора, чтобы вывести собственный народ из равнодушия, вызвать в народе возмущение, а затем перевести это всеобщее возмущение в настоящее бешенство против грабителей» [см.: 25, с. 295]. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. мог и США бросить к фашизму. Все предпосыл-

ки этого там имелись. Только государственная мудрость Ф. Рузвельта с его «Новым курсом» спасла страну.

Но самый яркий пример истории современности связан с противостоянием арабов и израильтян. Одни аналитики считают, что проблема кроется в несовместности и противоположности менталитетов, другие — в накопившемся недоверии за более чем 60-летнюю государственную историю. Уже подрастающее поколение и с той, и с другой стороны воспитывается в духе презрения и ненависти. Корни негативного отношения евреев Израиля к палестинцам скрыты еще в первоначальных представлениях первых иммигрантов (лозунг «дать народу без земли землю без народа», который отрицал факт существования арабов-палестинцев; убежденность в том, что Всевышний дал евреям право создать Великий Израиль на всей палестинской земле, презрение ко всем арабам как чуть ли ни к дикарям). В свою очередь арабы полностью игнорируют и даже отрицают факт проживания евреев в Палестине, относятся к ним как к незаконным пришельцам, культивируют ненависть и отвращение к израильтянам. Лидер ливанской организации «Хизболла» — шейх Насрулла позволяет себе на митингах отзываться о евреях как о «потомках свиней и обезьян» [см.: 20, с. 75]. Если добавить к этому религиозные компоненты, которые стали сейчас доминирующими, то процесс примирения затянется надолго. Поэтому этноконфессиональный конфликт должен рассматриваться как сложное несовпадение двух важнейших параметров групповой идентичности. При этом различия в вероисповедании рассматриваются в качестве факторов, осложняющих протекание этнических конфликтов. Вместе с тем, религиозная мотивация может выступать и независимо от этнической составляющей. Например, находящиеся в состоянии противостояния сунниты и шииты Ирака, представители религиозных общин Ливана являются арабами. А славяне — хорваты, сербы и боснийцы враждуют в первую очередь потому, что принадлежат к католицизму, православию и исламу, так как этнические и языковые различия между национальными общинами очень минимальные.

Примеры двустороннего исторического национального противостояния, оказывающего влияние на сегодняшние отношения между народами, можно продолжить: Китай — Япония, Япония — Корея, Вьетнам — Франция, Вьетнам — США, Россия — Япония, Индия — Пакистан, Турция — Армения, Чили — Боливия, Аргентина — Великобритания, Куба — США, Италия — Эфиопия, Греция — Турция, Ирландия — Англия, Украина — Польша и др. Пока единственной страной, которая извинилась перед другими народами за прошлое, остается ФРГ. Японское правительство извинилось перед корейцами, но своеобразно, заявив, что нынешнее правительство не несет ответственности за действия своих предшественников. Остальные страны продол-

жают делать вид, что в истории ничего такого не было и можно об этом забыть [19]. Как справедливо заметил американский исследователь Б. Луис: «критический подход к прошлому зачастую расценивается как враждебный. Критику извне считают агрессией, критику изнутри — изменой. От науки только ждут признания заслуг и достижений различный культур. Беда в том, что сегодня иногда требуют признания не заслуг культуры, но ее совершенства, а это уже трудно назвать разумным [18, с. 207].

Переходя к современному соотношению влияния национализма на международные отношения, напомним о том, что XX в. закончился возникновением в Европе и на постсоветском пространстве 23 новых государств [2, с. 33]. По некоторым прогнозам в XXI в. появятся еще не менее 40—50 государств. Этому способствует и противоречие, зафиксированное в Уставе ООН, до сих пор считающимся кодексом международного права, но уже не соответствующем реалиям. Например, в статье 1 первой главы Устава в пункте 2 читаем: «развивать дружественные отношения между странами на основе уважения принципа равноправия и *самоопределения народов*» (выделено нами. — А. Ч.). В то же время в пункте 4 той же главы отмечается: «Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как *против территориальной целостности* (выделено нами. — А. Ч.) или политической независимости любого государства» [26, с. 9—10]. Получается, что если народы, например Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Восточного Тимора, Нагорного Карабаха, Северного Кипра, Южного Судана, а еще раньше Косово, решились на отделение от Грузии, Молдовы, Азербайджана, Индонезии, Судана, и создают свою государственность, то они нарушают международное право?! Не устарели ли принципы Устава? Реальность подтверждает, что события в Южном Судане (Дарфур) могут оказать воздействие на всю арабо-негроидную часть Африки [17, с. 129—131].

Глобализация, вопреки ожиданиям, не пошла по пути объединения национальных усилий для решения человеческих проблем и создания механизмов их урегулирования в интересах всех членов сообщества, а используется в основном странами Запада для превращения его в «мировой город» и то не для всех представителей наций. Апологет данной системы, американский политолог В. Ясманн подчеркивает, что «ослабление Америки, вызванное очевидным исчерпанием глобалистско-монетаристской экономической модели, не обязательно означает смену нынешнего цивилизационного кода. А именно этот код, обычно называемый "западный проект", и составляет основу сегодняшнего доминирования США в мире. На его создание американцы, а в широком смысле англосаксы, потратили почти 150 лет, но в результате получили работающий демократический политический строй, эф-

фективную — до недавнего времени — экономическую модель и сверх всего — привлекательный образ жизни, которому стали подражать элиты не только всех западных стран, но и государств "второго" и "третьего" миров. Как особый цивилизационный код "западный проект" вобрал в себя не только модальный образ жизни, но и иерархию мировоззренческих ценностей, стандарты поведения, управленческие и юридические правила, нормы и процедуры и еще "всяко разно" [35, с. 34]. Хотелось бы не согласиться с утверждением В. Ясманна об универсальности этого западного цивилизационного кода, который «твёрдой» и «мягкой» силой навязывается другим. Более справедливо утверждение Л. Гринфельд, подчеркивающее уникальность, особенность американской нации, которая ближе всех подошла к осуществлению принципов индивидуалистского гражданского национализма [5, с. 460].

Однако представления о счастье, национальном и социальном равноправии, связанные с американской национальной идеей, так и остались в определенном смысле даже для американцев неосуществимой мечтой. По последним публикациям сейчас в США быстро растут показатели голода, нищеты и имущественного неравенства. Безусловно, это не латиноамериканские или африканские голод и нищета, но, тем не менее, каждый седьмой американец (44 млн человек) находится у черты бедности (прежде всего афроамериканцы, латиносы и индейцы). Примерно 17 млн семей в стране живут впроголодь [32, с. 10]. В ноябре 2010 г. в Вашингтонском исследовательском центре — Фонде новой Америки был проведен семинар под характерным названием «Соединенные Штаты неравенства». Подчеркивалось, что нынешняя социально-экономическая ситуация в стране близка к событиям 1929—1933 гг. Современный кризис «сожрал» 17 трлн долларов национальных богатств. 30 млн американцев не имеют работы или заняты неполный рабочий день. Афроамериканцы из-за обесценивания недвижимости потеряли около 80 % своего достояния. Но одновременно на 16 % выросло число новых миллионеров. Впервые в истории США более 50 % американцев считают, что их дети будут жить хуже их. Один из профсоюзных лидеров Т. Вудрафф отмечает: «Это ведь всегда была американская мечта: если упорно трудишься и соблюдаешь правила, то твоих детей ждет лучшее будущее. Теперь эта надежда отобрана» [см.: 33, с. 8]. Представим себе ситуацию, а что было бы с населением планеты и с ней самой, если 1,5 млрд китайцев и 1,2 млрд индийцев захотели бы у себя осуществить то, что есть сейчас даже у американского «people». Поэтому нужно согласиться с российским политологом Д. Барышниковым, что в XXI в. выделяется крайняя форма политического национализма — «тоталитарный национализм, делающий акцент на превосходстве одного государства, всецело отражающего интересы

своего этноса над другим» [1, с. 190]. Проблема усугубляется еще и тем, что США перестали быть тем, чем они были на протяжении последних 100 лет — «плавильным котлом», в котором «варилась» американская нация. Сегодня крупные национальные общества, особенно латиносы и китайцы, не говоря уже о неграх, не интегрируются в систему тех ценностей, о которых говорилось выше. Эти тенденции характерны для стран ЕС и Канады. Возьмем, к примеру, квебекцев, которые много веков ценили и хранили свой язык и культуру. Убедившись, что 25 млн англоговорящих канадцев подавляют культуру 5,7 млн говорящих по-французски, последние периодически стараются отделиться от Канады. На французский язык переведено все делопроизводство; с указателей на улицах и товарных ярлыков исчезли английские эквиваленты французских названий; на новых предприятиях, где работают более 50 человек, единственным языком общения является французский [29, с. 77]. Раскольническое движение на севере Италии «Тосканская лига» служит показателем напряженности между Югом и Севером страны. В ряде исторических областей некоторых стран (Шотландия, Уэльс в Великобритании, Каталония в Испании, Фландрия в Бельгии) сепаратистские движения с момента их основания борются за достижение своих целей легитимными методами.

Усиливается движение за развитие «Европы регионов». Многие сепаратистские движения взяли на вооружение доктрину раздела некоторых государств Союза, оставляя незыблыми внешние границы ЕС (Шотландская национальная партия, Лига Севера, Фламандский блок). Неравномерность экономического развития отдельных регионов западноевропейских стран служит благодатной почвой для создания «клуба» процветающих регионов, не желающих кормить «бедные» провинции своих стран (Фландрия в Бельгии, Падония на Севере Италии, Шотландия в Великобритании, Страна Басков в Испании).

Имеет место устойчивая тенденция к переходу унитарных государств-наций к федеративному устройству (Бельгия, Великобритания, Испания, Италия). Возрос интерес к изучению местных (региональных) языков и диалектов, самобытной культуре отдельных провинций и регионов. Европейским союзом принята специальная Хартия о языках, согласно которой государства, подписавшие ее, должны обеспечить употребление региональных языков в судебных инстанциях и органах власти. Например, во Франции, которая еще не ратифицировала соглашение, предоставлена возможность всем желающим факультативно изучать баскский, каталонский, бретонский, корсиканский и окситанский языки [28, с. 170].

Таким образом, Европейский союз не является однородным объединением равных по экономическому потенциалу и политическому весу держав. По этой причине часто возникают раз-

ногласия между богатыми и относительно бедными странами, а также между супердержавами внутри Союза. Мировой экономический кризис показал, что причинами столкновений между членами этой организации являются несовпадение интересов, различия в менталитете наций, особенно греческой, испанской, ирландской, португальской. Сепаратизм не является главной угрозой окончательному объединению Западной Европы в Сообщество наций. Вместе с тем, Европа, распространившая свою цивилизацию на другие континенты, сегодня уже не может стать «плавильным котлом», из которого появятся представители новой человеческой общности — *HOMO EUROPEUS* — с одинаковым менталитетом, говорящие на одном языке, со сходным уровнем жизни.

Угроза приходит из Африки и Азии. Численность мусульман в Европе, по разным оценкам, составляет 12–20 млн человек. Наиболее крупные общины существуют во Франции (4,5–6 млн), ФРГ (3–5 млн), Великобритании (свыше 1,5 млн), Италии (свыше 1 млн) [12, с. 55]. Рост численности неевропейцев и их нежелание интеграции вызвали распространение исламофобии и межэтническую напряженность, что потенциально может дестабилизировать ситуацию на континенте.

Почему же зерна сепаратизма в эпоху глобализации нашли благодатную почву на западе Европы? Одна из причин — страх потерять самобытность в результате влияния американской культуры [31, с. 49]. Надо отметить, что Евросоюз — это объединение прежде всего государств. Но государственные границы, сложившиеся после Второй мировой войны, не совпадают с этническими. Например, Страна Басков разделена между Испанией и Францией, Ирландия — между Великобританией и Ирландией, Тироль — между Италией и Австрией. Традиционно любая сепаратистская идеология базировалась на стремлении к территориальному единству, культурной, языковой или религиозной общности. Это этнический сепаратизм. Язык является мощным оружием сплочения национальной общности [30, с. 87]. Вместе с тем, многие лингвистические сообщества перестали сопротивляться ассимиляции государств-централизаторов, постепенно сливаясь снацией большинства. Наглядной иллюстрацией этому может служить судьба окситанского и бретонского народов. В случае кельтских народов Британских островов следует констатировать, что рост или снижение сепаратистских настроений в Великобритании не зависит от степени англофикации шотландцев, валлийцев и ирландцев.

В последнее время возникла новая волна сепаратизма — экономическая. Но в чистом виде этот фактор встречается только в Италии. Индустриальный Север, желая пересмотреть свои отношения с отсталым Югом, создал «кельтскую» идеологию, хотя границы Республики Падония не соответствуют историческим границам ита-

льянских государств, существовавшим до 1870 г. Лидеры политических партий немецкоязычного меньшинства в итальянской области Трентино—Альто—Адидже (Южнотирольская народная партия и Либерально-демократический союз Южного Тироля) занимаются экономическим рэкетом, добиваясь от Рима новых льгот и уступок, угрожая присоединением к австрийской земле Тироль.

Недовольны своим экономическим положением и Каталония, на долю которой приходится четверть экспорта Испании, и Фландрисия, обеспечивающая 60 % валового внутреннего продукта Бельгии. Не только Западная Европа, но и другие регионы мира, особенно постсоветское пространство, в начале XXI в. стали ареной радикальных перемен, резко ухудшивших социально-экономическое положение большинства (по определению американского неомарксиста И. Валлерстайна, — «мировой деревни») и улучшивших положение меньшинства — «мирового города». Это повлекло за собой процессы разделения не по принципу ХХ в. — «белые» и «красные», «друзья» и «враги», «союзники» и «противники». На первый план вышла формула «свои» и «чужие», где под «своими» понимается общность, основанная на родовой, племенной, клановой, национальной близости [27].

Очень сильное влияние на международные отношения и проблему национализма оказал «феномен Косово» (и не только на Балканские государства). В идеологиях национальных движений в Европе и за ее пределами нация трактуется прежде всего как этническая общность, а ее самоопределение рассматривается как создание своего независимого этнического государства в максимально возможных границах [24, с. 117]. События, происходящие в разных районах мира, подтверждают точку зрения английского исследователя Дж. Бэртона о том, что «этнические и конфессиональные конфликты, в которых центральные власти не в состоянии контролировать события, всегда затрагивают проблемы безопасности группы, ее идентификации и признания, а также контроля над влияющими на это политическими процессами» [3, с. 15]. В условиях, когда плодами глобализации пользуются только элиты стран Запада, Востока, Севера и Юга, проявляется стремление простых людей обрести надежную систему ценностей, обратиться к истокам формирования традиционной, собственной культуры и групповой идентичности, защищая все это с оружием в руках. Наиболее ярко это выражено в Центральном и Южном Сомали, где, согласно местной пословице, действует принцип: «Я и Сомали против всего мира, я и мой клан против Сомали, я и моя семья против клана, я и мой брат против семьи, я против брата» [см.: 17, с. 75].

Процесс направленной, хаотичной миграции, которая наблюдается повсюду в мире (100 млн человек ежегодно) свидетельствует о наличии у национальных меньшинств социальной самоорганизации, которая является важным средством

этнической мобилизации, характеризуется внутренней сплоченностью и замкнутостью. Например, понятие «умма» в арабском языке имеет три смысла: «община», «нация», «община верующих мусульман», в том числе всех мусульман. Она обеспечивает повышенную степень защиты и взаимопомощи «своим», сводя на нет не только усилия «чужаков», но и государственных структур в условиях их бюрократизации, постоянного поиска «национальной идеи». При этом неважно, где это происходит: в США, ФРГ, Киргизии или России.

Вместе с тем, с точки зрения науки международных отношений нельзя забывать специфику разных стран и регионов. Попытки привести причины и следствия процессов к одному знаменателю чреваты ошибками и в оценке ситуации, и в мероприятиях по ограничению конфликтности, ее смягчению и урегулированию.

У новых акторов появились возможности использования международных отношений в своих узкогрупповых целях, что порождает непростую ситуацию. Она связана и с практикой государственного строительства в новых независимых странах. Ряд исследователей, занимающихся методологией и теорией международных отношений, отмечает, что формирование сегодня целостного мира создает условия для дезинтеграции тенденций. Действительно, они характерны прежде всего для республик бывшего ССР. Игнорирование таких тенденций было бы ошибкой при выработке политических решений и особенно при их осуществлении.

Например, анализ деятельности на территории постсоветского пространства ОДКБ показал, что проблемы эффективности ее работы прежде всего связаны со странами Центральной Азии. В постсоветских странах региона утверждается национализм, имеющий этнонациональное измерение. Особая роль принадлежит «лучшим людям», которые разделяются на кланы и используют этничность как инструмент мобилизации для обогащения. Усилия государства направлены не на обеспечение безопасности своих союзников по договору, а только на доступ к власти и ресурсам. Придя к власти, они оказывают через государственные институты влияние на формирование идентичности и апеллируют к традиционным для данного народа ценностям. Одновременно этнический национализм, ставший принципом становления этих государств, породил трудности для других этнических групп, не способных вписаться в меняющиеся национальные отношения и обреченных на маргинализацию. Прежде всего, это касается русскоязычного населения. Российская исследовательница Л. Дробижева подчеркивает, что «национализм добивался большего успеха там, где этому предшествовало наличие некой территориальной, языковой либо культурной общности, общей исторической памяти, которая используется как исходный материал для интеллектуального национального проекта [7, с. 180].

Конструирование истории дает власти дополнительную легитимизацию. Так, согласно легендам и мифам, у власти, оказываются не просто люди, занесенные случаем и судьбой на политическую вершину, а преемники древних правителей и героев. Например, в Узбекистане подчеркивается, что основателем национального государства был Тamerлан, в Таджикистане происходит героизация Саманидов — представителей персидской суннитской династии. Будучи президентом Киргизии, А. Акаев, акцентируя особую значимость отношений между своей страной и Россией, поведал о том, что его отец — прямой потомок знаменитого родоначальника, верховного правителя киргизских племен начала XVI в. Тагойбия [9, с. 50].

Все вышеизложенное имеет особое значение для России. На территории нашего союзника происходят два взаимосвязанных процесса, ослабляющих безопасность страны. О них говорил президент Д. Медведев 27 декабря 2010 г. на заседании Государственного совета. Во-первых, политический класс России до сих пор не предложил убедительной и привлекательной концепции «российской», не сводимой ни к этническому, ни к имперскому государству. Проблема заключается в том, что за время независимости новой России в стране выросло поколение, лишенное духовного иммунитета. Манежная площадь — это тревожный сигнал. Пока нет понимания того, что российские народы — единое целое, сообщающиеся сосуды. Вина за это возлагается прежде всего на российских нуворишей и их глаумурное окружение, создавших собственную субкультуру и навязавших обществу новые ценности, которые с реальностью жизни большинства населения не имеют ничего общего [16, с. 53–55]. Особенность развития российской экономики состоит в том, что бедные слои населения наряду с безработными, пенсионерами и многодетными семьями широко представлены работающими и именно по этому показателю бедность россиян похожа на бедность большинства жителей развивающихся стран. По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), который ежегодно составляет ООН, Россия находится на 67-м месте в мире. Но при этом Москва сравнивается с Чехией, Тюменская область — с Венгрией, Санкт-Петербург — с Болгарией, а Тыва — с Монгoliей [13, с. 116].

Богатство стало восприниматься как добродетель, как главный показатель жизненного успеха. Чиновники стараются не отстать от олигархов. Бюджетники (ученые, учителя, военные и другие категории), от которых зависит развитие России, воспринимаются как «лузеры» (от англ. *louser* — «неудачник»). Все это вызывает чувство озлобленности и ненависти у «простого народа», особенно молодежи. Все больше молодых людей в анкете «национальность» пишут «сибиряк», «помор», «казак». Российский публицист Д. Соколов-Митрич отмечает: «У государствообразующей русской нации налицо кри-

зис самоидентификации. Условные представители условной элиты так хорошо поработали со своим народом, что отбили у него всякое желание этим народом быть. Имидж слова "русский" настолько искажен, что новое русское поколение попросту начало искать себе другую национальность, не желая иметь ничего общего с "рабским племенем". И если бы эта тенденция продолжалась и дальше, мы бы очень скоро получили проблемы в виде уральского, сибирского и прочих экзотических видов сепаратизма» [23].

При этом некоторые сторонники российской нации, на наш взгляд, сознательно запутывают ситуацию, ссылаясь на якобы положительный зарубежный опыт. Например, президент фонда «Политика» В. Никонов, подчеркивая, что в России 135 наций, народов и этнических групп (В. Путин говорил о 160. — А. Ч.), приводит пример КНР, где таковых 205 (официально — 56), Камерун — 279, Индия — 407, Нигерия — 470, Индонезия — 712, Папуа — Новая Гвинея — 817 и делает вывод о том, что в Китае все называют себя китайцами, в Камеруне — камерунцами, в Индии — индийцами и т. д. Но это не соответствует истине. В том же Китае живет 150 млн человек, которые называют себя тибетцами, уйгурами, монголами, киргизами; в Камеруне — фульбе, банту, бамилеке и др. То же самое имеет место и в других государствах. Так что упрощать картину не надо [см.: 22].

Во-вторых, недовольство российской молодежи направляется по ложному следу в сторону антикавказности. Как отмечает Д. Соколов-Митрич: «Но как бы себя ни называла новая российская молодежь, это уже совсем не те русские кавказского типа. Потому что иначе никак. Потому что в современной России обнаглевшее бытие слишком определяет сознание, а должно быть наоборот. И в условиях недостатка государственного императива происходит интересный процесс: Россия, которая на протяжении почти двух веков являлась для Кавказа главным цивилизующим фактором, теперь сама стала объектом кавказского воспитания» [23]. Читай: во всех бедах России виновен Кавказ.

К сожалению, на наш взгляд, Россия за два века своей политики на Кавказе так и не смогла цивилизованно решить проблему взаимодействия с народами региона и к настоящему времени ситуация остается сложной, несмотря на прекращение войны в Чечне.

Российский геополитик К. Гаджиев отмечает, что «само понятие "Кавказ" не имеет четкого определения, тем более, что на его территории этнонациональные границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными. Большой Кавказ включает несколько подпространств — географическое, культурно-языковое, историческое, этнонациональное, конфессиональное, экономическое и политическое. Они, налагаясь и дополняя друг друга, создают многомерное, сложное, обремененное противоречиями, конфлик-

тами и нестабильностью геополитическое пространство, соприкасающееся на юге с Ближним и Средним Востоком, на востоке с прикаспийской Центральной Азией, на Западе с Причерноморскими регионами» [4, с. 71]. Добавим, что на Большом Кавказе наблюдается и противоречивость внешней политики южнокавказских государств, одно из которых (Армения) является членом ОДКБ, в то время как Грузия настойчиво просится в НАТО, а Азербайджан — туда же, но более скрытно. Провозглашение независимости Абхазии и Южной Осетии дало новый толчок витку напряженности, поскольку для грузинского самосознания «крайне сложно допустить факт притязаний представителей других народов на собственную государственность» [8, с. 16].

На наш взгляд, основная причина нестабильности в регионе и выталкивания оттуда населения в центральные районы России — в социально-экономической области. Например, Ингушетия по уровню жизни населения сравнима с отсталыми африканскими государствами: 57 % населения живет ниже черты бедности, определяемой как 1 доллар в день, что в 46 раз ниже уровня бедности в Тюменской области [10, с. 41].

Все это накладывает отпечаток на сознание жителей Москвы и других крупных городов России, где наблюдается рост ксенофобии и насилия над выходцами из Кавказа и Средней Азии. Один из персонажей художественного фильма «12» режиссера Н. Михалкова в монологе с болью кричит: «Это ведь уже не наш город, они захватили все, все... Это, что угодно — Баку, Шмаку, но не Москва. И я, коренной москвич, чувствуя себя в своем родном городе, как в гостях». Выступая на заседании Госсовета и перед руководством Госдумы и Совета Федерации, Д. Медведев отметил, что Россия — на втором месте в мире после США по количеству мигрантов. Только в одной Москве насчитывается более 2 млн гастарбайтеров из Кавказа и Средней Азии, 60 % которых не владеют русским языком. Такое демографическое давление извне порождает много проблем. Меняется этнический баланс многих территорий. Эти изменения для России смертельно опасны, поскольку приводят к конфликтам на национальной почве. Все нацисты независимо от места их происхождения — по своей природе антинациональны. Они просто подрывают культурные основы развития своего государства. Чтобы не допустить трагического развития, обществу нужно научиться вести диалог [11].

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы подчеркнуть, что феномен национализма в XXI в. свидетельствует о кризисе современных международных отношений, мировой и страновой дипломатии. Небольшие этнические и национальные конфликты, некоторые из которых делятся еще с XX в., могут перерасти в глобальную проблему, оказать дестабилизирующее воздействие на безопасность любого государства, каким бы сильным оно ни казалось на данный момент.

Литература

1. Барышников, Д. Н. Конфликты и мировая политика: учеб. пособие / Д. Н. Барышников. — М.: Восток—Запад, 2008. — 384 с.
2. Буховец, О. Г. Эра национализма и особенности образования национальных государств в Европе / О. Г. Буховец // Современная Европа. — 2008. — № 4 (31). — С. 33–44.
3. Бэртон, Дж. Конфликт: теория человеческих потребностей: пер. с англ. / Дж. Бэртон. — Лондон, 1990.
4. Гаджиев, К. С. Этнонациональная и geopolитическая идентичность Кавказа / К. С. Гаджиев // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2010. — № 2. — С. 64–74.
5. Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности: пер. с англ. / Л. Гринфельд. — М: ПЕР СЭ, 2008. — 528 с.
6. Давидсон, А. От Ле Пена до Каддафи. Расизм становится не только российским, но и мировым бедствием / А. Давидсон // Известия. — 2002. — 1 июня.
7. Дробижева, Л. Возможен ли конструктивный национализм? / Л. Дробижева // Россия в глобальной политике. — 2008. — Т. 6. — № 6. — С. 176–189.
8. Захаров, В. А. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии / В. А. Захаров, А. Г. Аршев. — М.: МГИМО, 2008. — 358 с.
9. Звягельская, И. Д. Становление государств Центральной Азии: политический процесс / И. Д. Звягельская. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 208 с.
10. Иванов, Н. П. Глобализация и бедность / Н. П. Иванов, Н. В. Гоффе, Г. А. Монусова // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2010. — № 9. — С. 29–42.
11. Известия. — 2010. — 28 дек.; 2011. — 18 янв.
12. Кисовская, Н. К. Христианско-исламский диалог в Западной Европе / Н. К. Кисовская // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2010. — № 7. — С. 55–64.
13. Клинов, В. Что будет с Россией? / В. Клинов // Там же. — 2010. — № 9. — С. 112–121.
14. Конфликт в Косово и международная безопасность: сб. ст. / отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев. — М.: Ин-т экономики РАН, 2009. — 286 с.
15. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2010. — № 276. — 1/12080.
16. Котляр, И. И. Россия XXI века. Общественно-политический процесс в оценках белорусского политолога / И. И. Котляр. — Брест: Альтернатива, 2009. — 263 с.
17. Лашкевич, С. А. Африка в современном мире / С. А. Лашкевич, А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2010. — 321 с.
18. Луис, Б. Ислам и Запад: пер. с англ. / Б. Луис. — М.: Библейско-богословский ин-т Св. Апостола Андрея, 2003. — 320 с.
19. Майоров, М. В. Отражение истории в зеркалах национализмов / М. В. Майоров // Междунар. жизнЬ. — 2010. — № 6. — С. 64–83.
20. Мирский, Г. Израильско-палестинский узел Большого Ближнего Востока / Г. Мирский // Вестник аналитики. — 2010. — № 1 (39). — С. 72–76.
21. Национальные отношения: словарь / под общ. ред. В. Л. Калашникова. — М.: Владос, 1997. — 207 с.
22. Никонов, В. Идеология российской / В. Никонов // Известия. — 2010. — 30 дек.
23. Соколов-Митрич, Д. Иван Кавказский / Д. Соколов-Митрич // Там же. — 21 дек.
24. Симон, М. Косовский синдром: генезис, риски, геостратегические последствия / М. Симон // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2010. — № 12. — С. 117–122.
25. Туполев, Б. М. Версальский мирный договор — предвестник Второй мировой войны / Б. М. Туполев // Материалы Междунар. науч.-теоретич. конф. «Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность», Витебск, 5–6 мая 2005 г. — Витебск, 2005.
26. Устав Организации Объединенных Наций и Статут международного суда. — Нью-Йорк, 2002. — 104 с.
27. Фурман, Д. Е. Киргизские циклы / Д. Е. Фурман, С. Шерматова // Современная Европа. — 2010. — № 3. — С. 119–129.
28. Челядинский, А. А. Теория международных отношений: курс лекций / А. А. Челядинский. — Минск: БГУ, 2004. — 370 с.
29. Черкасов, А. И. Шесть регионов Канады. Квебек / А. И. Черкасов // США—Канада. — 2008. — № 4. — С. 71–82.
30. Чечкин, Д. А. Испания: зигзаги баскских националистов / Д. А. Чечкин // Современная Европа. — 2009. — № 3. — С. 85–101.
31. Ширин, С. С. Внешнеполитические факторы формирования научных представлений об американской культуре в Великобритании и Германии / С. С. Ширин. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 221 с.
32. Шитов, А. Жадность ради щедрости: штрихи к политическому портрету американцев / А. Шитов // Компас. — 2010. — № 45. — С. 8–14.
33. Шитов, А. Соединенные Штаты неравенства: у американцев отнимают мечту / А. Шитов // Там же. — № 48. — С. 3–8.
34. Яковлева, Е. В. Польша против СССР. 1939–1950 гг. / Е. В. Яковлева. — М.: Вече, 2007. — 416 с.
35. Ясманн, В. Не торопитесь хоронить Америку / В. Ясманн // Сов. Белоруссия. — 2010. — 17 дек.

«Национализм и международные отношения» (Александр Челядинский)

В статье проанализировано влияние идей национализма на содержание и характер международных отношений в прошлом и настоящем. Автор подчеркивает, что в условиях глобализации не исчезают проявления национального самосознания. Наоборот, в разных регионах планеты, включая территорию бывшего СССР, проявляется стремление к поиску национальной идентичности в крайней форме, что может привести к фашизации политических систем в отдельных странах. Такие тенденции подрывают основы международной безопасности, поскольку в перспективе в мире могут появиться десятки новых государственных образований. К сожалению, современные международные институты не уделяют данной проблеме внимания, и процесс носит в основном стихийный характер.

«Nationalism and International Relations» (Alexandr Chelyadinsky)

The article analyzes the influence of nationalistic ideas on the content and character of international relations in the past and at present. The author emphasizes that the manifestations of national identity do not disappear under globalization. To the contrary, various regions of the planet including the former USSR territory, demonstrate intense search for national identity in extreme forms which can lead to political systems becoming fascist in some countries. Such trends undermine the basis of international security since they may result eventually in emergence of scores of new states. Unfortunately, contemporary institutions do not pay sufficient attention to these problems, so the process bears a spontaneous character.

Статья поступила в редакцию в январе 2011 г.